

К. Ю. Лапко-Данилевский

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИОГРАФИИ Н. А. ЛЬВОВА (1770-е годы)

В жизни Николая Александровича Львова 1770-е годы — важнейший период формирования его личности, многочисленных знакомств в литературных и административных кругах Петербурга, поездок за границу. Рабочая тетрадь писателя,¹ хранящаяся в ИРЛИ, свидетельствует также о том, что это десятилетие было временем творческого становления, напряженных поисков, изучения разнообразных произведений западноевропейской литературы XVII—XVIII веков. Однако нужно констатировать, что биография Н. А. Львова 1770-х годов недостаточно разработана, в частности еще не был разыскан ни один из документов, раскрывающих его продвижение по службе. При описании жизненного пути выдающегося русского писателя и архитектора XVIII столетия исследователи, использующие один и тот же круг источников, излагают основные события интересующего нас времени следующим образом: в конце 1760-х—начале 1770-х годов Н. А. Львов приезжает в Петербург, поступает в бомбардирскую роту Измайловского полка, обучается в полковой школе; в 1771 году с товарищами по полку Николаем Осиповым, Петром и Николаем Ермолаевыми издает рукописный журнал «Труды четырех разумных общников», где появляются его первые поэтические опыты; в середине 1770-х годов переходит на службу в Коллегию иностранных дел; в 1776—1777 годах вместе с И. И. Хемницером и М. Ф. Соимоновым отправляется в Париж через Германию и Бельгию, откуда возвращается в августе 1777 года; в 1779 году под наблюдением Г. Р. Державина производилась перестройка зала общего собрания в Сенате, для украшения которого Н. А. Львовым были придуманы сюжеты барельефов, выполненных А. Рашетом; к 1780 году относится дебют в качестве архитектора — Н. А. Львов участвует в конкурсе по проектированию собора св. Иосифа в Моги-

леве, сама императрица отдает его решению предпочтение — 1 ноября проект утвержден; в начале 1780-х годов поэт переходит на службу в Главное управление почт, впоследствии он все большее внимание уделяет архитектурной деятельности.²

Служебное продвижение поэта фиксируется в «Месяцесловах с росписями чиновных особ» с 1777 года.³ До 1779 года находим в числе титулярных советников капитана Николая Львова, с 1780-го по 1781-й его фамилия в списке секретарей 8-го класса, в 1782 году он советник посольства в Дрездене, а с 1783 года — коллежский советник при Главном почтовых дел правлении.

Основным источником сведений для всех биографов Н. А. Львова был краткий очерк его жизни, написанный Федором Петровичем Львовым (1766—1836), двоюродным братом поэта,⁴ в начале 1820-х годов. Приведем в отрывках часть этого очерка, касающуюся интересующего нас десятилетия: «Будучи записан гвардии в Измайловский полк, он пустился в Петербург и явился в столицу в тогдашней славе дворянского сына, то есть: лепетал несколько слов французских, по-русски писать почти не умел, и тем только не дополнил славы сей, что к счастью не был богат, и, следовательно, разными прихотями избалован не был. Являсь в полк, помещен он был в бомбардирскую роту, и ходил наряду с другими учениками в полковую школу...

Тут уже острота разума его отыскала

² Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Архитектор Н. А. Львов. М., 1961, с. 7—9; Никулина Н. И. Николай Львов. Л., 1971, с. 5—31; Глузов А. Н. А. Львов. М., 1980, с. 3—42.

³ Месяцеслов с росписями чиновных особ на лето 1777. СПб., б. г., с. 79.

⁴ Далее ссылаемся на рукопись (ОР ГПБ, ОСПК, XVIII, ед. хр. 11, 10 л.), так как в обеих публикациях текст очерка искажен (Сын отечества, 1822, ч. LXXVII, № 17, с. 108—124; Москвитин, 1855, № 6, с. 179—185).

¹ ИРЛИ, 16.470/CIV620, 133 л.

ему товарищей, на него похожих. Сogласные склонности, одинакие упражнения составили из них кружок, в котором труды ученические, наперерыв друг пред другом оказываемые, составляли молодых их лет блаженство. Тут вырастали переводы; тут совершались первые опыты в стихотворстве, в рисованье, в музыке и проч.; тут же открывалось в нем врожденное чувство ко всему изящному... Из первых благотворителей его был ближний родственник г-на Львова, почтенный летами и заслугами известный действительный тайный советник Михайло Федорович Соймонов, который приютил его к себе как сына и брал его в чужие края с собою. По возвращении его, переведен он был в Коллегию иностранных дел, и тут не менее г-на Соймонова известный муж, дарованиями украшенный, и в службе высокими чинами отличный, Коллегии иностранных дел член, Петр Васильевич Бакунин, а потом князь Александр Андреевич Безбородко соделались опорами его благосостояния... Во время служения его по дипломатической части, неоднократно посылан он был в чужие края. Он был и в Германии, и во Франции, и в Италии, и в Гишпании, везде все видел, замечал, записывал, рисовал и где только мог и имел время, везде собирал изящности, рассыпанную в наружных предметах... Через несколько времени по привязанности его к князю Безбородко перешел он служить в Санкт-Петербургский почтамт, где князь был главным начальником, и был у него при особых поручениях, которыми нередко удостоивала его императрица Екатерина».⁵

Статья Ф. П. Львова создана через много лет после описываемых событий, к тому же ее автор появился в Петербурге лишь в конце 1777-го—самом начале 1778 года, так как в формулярном списке указано, что он вступил «в лейб-гвардии Преображенский полк подпрапорщиком 1778 2 генваря».⁶ т. е. о событиях более ранних мемуарист мог судить лишь понаслышке.

Н. А. Львов изображен его двоюродным братом в соответствии с романтическим представлением о гении, подчеркивается его феноменальная одаренность — за что бы он ни взялся, все ему удается, он шутя справляется со множеством дел: «Он любил и стихотворство, и живопись, и музыку, и архитектуру, и механику. Словом, он был любимое дитя всех художеств, всякого искусства; казалось, что время за ним не поспевало! Так быстро побеждал он грубую природу и преодолевал труды на пути знаний необходимые».⁷

В очерке Ф. П. Львова «Н. А. Львов» заметно влияние идей, господствовавших в эстетическом сознании начала XIX века, что особенно ощутимо, когда речь идет о заглавном герое. Это обстоятельство наряду с хронологической дистанцией от описываемого десятилетия могло послужить причиной искажения мемуаристом последовательности событий. Сразу же бросается в глаза, что А. А. Безбородко назван князем, хотя этот титул был дан ему значительно позже — при императоре Павле.

Лишь одно из утверждений Ф. П. Львова: «Михайло Федорович Соймонов... приютил его к себе как сына и брал его в чужие края с собою», — казалось, было подтверждено документально: в 1873 году Я. К. Грот опубликовал дневник И. И. Хемницера, который велся во время путешествия по Европе в 1777 году.⁸ Однако никого из более поздних исследователей не насторожил тот факт, что первое упоминание о Н. А. Львове относится ко времени пребывания в Париже: «28 апреля я с Николаем Александровичем были во французском театре...»⁹

Внести уточнение позволяет интереснейший документ, выпавший из поля зрения исследователей. Это опубликованная в 1887 году в «Горном журнале» автобиография слутника И. И. Хемницера в 1776—1777 годах видного ученого и руководителя горных разработок Михаила Федоровича Соймонова (1730—1804).¹⁰ Об отъезде своем на лечение за границу мемуарист писал в ней следующим образом: «Ее императорское величество, увидя Соймонова в большой еще слабости, спросить изволила, кто с ним едет, а он донес, что один, то государыня сказать соизволила, что в такой слабости одному ехать не можно, и приказала взять кого из родных его, но, узнав на тот раз, что никого из родных не было, повелеть приказала отправить с ним горного майора Хемницера с жалованьем на все то время, покуда Соймонов вне государства пробудет. По сему приговору Соймонов отправился в Париж через Гагу, Роттердам, Люрден в Валансьен, лежащий на границе французов, оттуда через Брюссель, а приедучи в Париж, нашел там племянника двоюродного Н. А. Львова, ныне служащего тайным советником и кавалером, возвратившегося из Гишпании, куда отправлен был с депешами от Коллегии иностранных дел, который пробыл с ним три месяца в Париже в сию бытность».¹¹

Далее М. Ф. Соймонов описывал свое пребывание в Париже, его рассказ в

⁵ ГПБ, ОСПК, XVIII, ед. хр. 11, л. 2, об.—6.

⁶ ГА Калининской области, ф. 645, оп. 1, д. 2370, л. 81—82.

⁷ ГПБ, ОСПК, XVIII, ед. хр. 11, л. 3, об.

⁸ Соч. и письма И. И. Хемницера. СПб., 1873, с. 371—394.

⁹ Там же, с. 383.

¹⁰ Соймонов М. Ф. Автобиография. — Горный журнал, 1887, октябрь, с. 147—169.

¹¹ Там же, с. 161—162.

значительной мере дополняет сведения, которые можно почерпнуть из дневника И. И. Хемницера. Об окончании же парижской «диссипации» мемуарист рассказывает несколько ниже: «По наступлении же теплого времени по письму господина Гобиуса отправился в Лейден, взяв с собою и объявленного выше племянника своего в Россию, а сам остался пользоваться водами; употребляя оные сперва из Совеньера и Тресбена, а потом из Пугагона».¹²

Информация, сообщаемая Соймоновым, существенно корректирует общепринятую версию о совместной поездке Хемницера, Соймонова и Львова за границу. Оказывается, встреча со Львовым состоялась в Париже, куда поэт приехал из Испании после выполнения дипломатического поручения.

Важнейшим источником знаний о поэте в 1770-е годы являются письма М. Н. Муравьева к отцу и сестре, сохранившиеся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, до сих пор полностью не опубликованные. Их текст позволяет говорить о дружбе в течение ряда лет между двумя выдающимися деятелями русской культуры XVIII столетия, о том, например, что Н. А. Львов способствовал росту интереса своего молодого друга к итальянской литературе и театральным представлениям в доме видного сановника Петра Васильевича Бакунина Меньшого. Приоритет введения в научный оборот этих данных принадлежит Л. И. Кулаковой, которая в своей статье «М. Н. Муравьев»¹³ впервые коснулась неизвестной страницы взаимоотношений двух русских поэтов XVIII века. К сожалению, в сборнике «Письма русских писателей XVIII века» (1980) опубликована лишь часть писем М. Н. Муравьева (с 8 мая 1777 года по 19 марта 1778 года); как указывается Л. И. Кулаковой и В. А. Западным в комментариях, М. Н. Муравьев особенно много сообщал о Львове в 1776 году.

Биографы Н. А. Львова использовали муравьевский архив в высшей степени несистематично, поэтому необходимо сделать краткий обзор этих материалов (как опубликованных, так и оставшихся в рукописи), несколько отступив от изложения истории изучения жизни поэта.

Первое упоминание имени Н. А. Львова содержится в письме от 14 января 1776 года: М. Н. Муравьев узнает о приезде своего друга, а через несколько дней встречает его, и выясняется, что Львов живет в доме Юрия Федоровича Соймонова.¹⁴

21 января 1776 года сообщается, что Н. А. Львов живет уже в доме М. Ф.

Соймонова.¹⁵ Частые встречи поэтов продолжают до 28 февраля, когда Н. А. Львов уезжает «на четыре недели в отпуск»,¹⁶ в это время он знакомится с родными М. Н. Муравьева. После его возвращения в начале апреля¹⁷ встречи молодых людей возобновляются. Львов дает Муравьеву для чтения несколько итальянских книг, некоторые из которых дарит.¹⁸ Позднее в дневниках Муравьев сделает об этих событиях следующую запись: «Учение итальянского. 1776. Николай Александрович Львов».¹⁹

20 сентября 1776 года М. Н. Муравьев пишет сестре: «Николай» Александрович» на сих днях поедет в Париж, Мадрит и Лондон»,²⁰ что подтверждает указание М. Ф. Соймонова, цитированное выше.

О возвращении Н. А. Львова сообщено 7 августа 1777 года: «Дни с четыре тому назад, как я нечаянно встретился на улице с Николаем Александровичем Львовым, который тогда дни два еще, как приехал из чужих краев, живет по-прежнему у Бакунина, который в отсутствие Никиты Ивановича (Панина, — К. Л.-Д.) сам по иностранным делам своего департаменту докладывает государыне».²¹

Осенью 1777 года Н. А. Львов работает над переводом «Инков» Ж.-Ф. Мармонтеля,²² который так и не был завершен. В то же время он активно участвует в домашних спектаклях в доме П. В. Бакунина Меньшого, куда часто приглашает М. Н. Муравьева.²³

19 января 1778 года Н. А. Львов читал другу комедию «Сильф, или Мечта молодой женщины»,²⁴ высоко оцененную М. Н. Муравьевым.

После этого упоминания имени Н. А. Львова становятся все реже в письмах его друга — 8 июня 1778 года сообщается о их встрече;²⁵ к этому же времени, видимо, относится следующий отрывок в недатированном письме: «Вчера было очень хорошее утро, и мы его препроводили с Николаем Александровичем и Капнистом, молодым человеком, его приятелем, в Летнем Саду, где мы завтракали. Там заведен прекрасный кофейный дом».²⁶

¹⁵ Там же, л. 15.

¹⁶ Там же, л. 24, об.

¹⁷ Там же, л. 46, об.

¹⁸ Там же, л. 11, 30, 50.

¹⁹ ГПБ, ф. 449, ед. хр. 30, л. 12.

²⁰ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 48, л. 117.

²¹ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 268.

²² Там же, с. 227, 340; ГИМ, ф. 445, ед. хр. 48, л. 81.

²³ Письма русских писателей XVIII века, с. 328, 331, 332, 334.

²⁴ Там же, с. 341; ГПБ, ф. 499, оп. 1, ед. хр. 37, л. 37, об.

²⁵ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 51, л. 59.

²⁶ Там же, л. 76.

¹² Там же, с. 163.

¹³ Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев. — Учен. зап. ЛГУ, 1939, № 47, серия филолог. наук, вып. 4, с. 4—42.

¹⁴ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 48, л. 9, 10.

Затем имя Н. А. Львова исчезает из писем М. Н. Муравьева к родным, но не исчезает из его дневников, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Записанный Н. А. Львовым в рабочую тетрадь 26 марта 1778 года стихотворный перевод оды Сафо²⁷ копируется Муравьевым,²⁸ который переводит то же самое стихотворение 30 октября 1778 года.

К началу 1780-х годов относится следующая запись в дневнике М. Н. Муравьева: «Николай Александрович Львов был при путешествии государыни в Белоруссию 1780 в мае, и в годность знаем».²⁹

На продолжение знакомства в конце 1770-х годов указывают письма В. В. Ханыкова к М. Н. Муравьеву, хранящиеся в ГИМ. 21 января 1779 года он выражает сожаление, что не знаком с Н. А. Львовым, надеется, что осуществит свое желание через П. А. Соймонова, а вскоре сообщает о состоявшейся между ним и Н. А. Львовым беседе.³⁰

Завершая обзор, необходимо указать, что материалы архива М. Н. Муравьева при всей их важности не дают ответа на ряд вопросов, встающих перед биографом Н. А. Львова: отсутствуют сведения о начале 1770-х годов, о времени перехода в Коллегию иностранных дел и т. д.

Возвращаясь к истории изучения биографии Н. А. Львова интересующего нас периода, в первую очередь следует назвать публикацию в 1960 году А. В. Кокоревым текста рукописного журнала «Труды четырех разумных общников». На основании свидетельства Ф. П. Львова и данных о службе Н. П. Осипова в Измайловском полку, содержащихся в Русском биографическом словаре,³¹ публикатор сделал вывод о том, что составители журнала служили в этой воинской части.³²

В 1974 году появляется статья Л. И. Кулаковой «Творчество Н. А. Львова 1770-х—начала 1780-х гг.», в ней документально доказано участие Н. А. Львова в «Санкт-Петербургском вестнике», одном из наиболее интересных журналов конца 1770-х годов.³³

В 1977 году вышел из печати 12-й сборник «XVIII век» со статьей И. Ф.

Мартынова «Журналист, историк и дипломат XVIII века Григорий Леонтьевич Брайко».³⁴ Г. Л. Брайко был главным редактором «Санкт-Петербургского вестника», а его активными помощниками — Я. Б. Няжин и Б. Ф. Арндт. Одной из тем статьи стало участие писателей львовско-державинского кружка в этом журнале; сделан ряд атрибуций, на наш взгляд убедительных; кроме того, исследователем был найден в Архиве внешней политики России указ о назначении 23 апреля 1781 года секретаря восьмого класса Николая Львова советником русского посольства в Дрездене.

Из вышеизложенного явствует, что окончательно решить вопросы, встающие перед биографом Н. А. Львова, невозможно без привлечения новых документов, расширения источниковедческой базы исследования. Архив канцелярии Измайловского полка за эти годы не сохранился, поэтому единственно возможным был поиск документов, связанных со службой Н. А. Львова в Коллегии иностранных дел. В Архиве внешней политики России нам удалось найти ряд таких материалов, среди них нужно в первую очередь назвать копию служебного аттестата, выданного поэту при переходе на службу в Главное управление почт:³⁵ «1782 года апреля в 22. По указу ее императорского величества в Коллегии иностранных дел определено: дать находившемуся в ведомстве оной Коллегии посольства советнику Николаю Львову по прошению его аттестат следующего содержания:

Аттестат

1782 года апреля в 30. По указу ее императорского величества и по определению Государственной Коллегии иностранных дел дан сей аттестат находившемуся в ведомстве оной Коллегии посольства советнику Николаю Львову в том, что в службе состоит с 1759-го году, сначала в лейб-гвардии Преображенском полку, где произошел от бомбардир до сержантов, и находился при означенной Коллегии в курьерской должности, откуда неоднократно посылан был в разные иностранные государства к обретающимся там ее императорского величества министрам, и возложенные на него комиссии исправлял с отличным усердием и исправностью, 1775 года 10 июля на поднесенном от означенного полку ее императорскому величеству докладе и на оной последовавшей высочайшею ее величества конфирмациею пожалован он Львов с прочими от армии капитаном и 1776-го 5 июня по прошению его, а по определению помянутой

²⁷ ИРЛИ, 16.470/СIV б. 20, л. 39.

²⁸ ГПБ, ф. 499, ед. хр. 37, л. 26.

²⁹ Там же, ед. хр. 30, л. 47.

³⁰ ГИМ, ф. 445, ед. хр. 232, л. 1, об. 5, об.

³¹ Русский биографический словарь. СПб., 1914, т. Лабзина—Лященко, с. 778.

³² Кокорев А. В. «Труды разумных общников». — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, т. 86, 1960, вып. 7, с. 4—5.

³³ Проблемы изучения русской литературы XVIII века, вып. 1. Л., 1974, с. 45—54.

³⁴ XVIII век, сб. 12, Л., 1977, с. 225—241.

³⁵ АВПр, ф. ВКД, оп. 2/6, ед. хр. 1563, л. 4—5, об.

Коллегии в рассуждении знания его ита-
лианского, французского и немецкого
языков принят в оную тем чином для
употребления его на оных языках в пе-
реводах и других делах; по его способ-
ностям 1779 года 5 мая при издании но-
вого Коллегии Иностранных дел стата
высочайшим имянным ее императорско-
го величества указом пожалован в сек-
ретари осмого класса на ваканцию того
чина при оной Коллегии, 1781-го апреля
21-го высочайшим же имянным ее импе-
раторского величества указом пожалован
в чине посольства советника к дрезден-
скому министерскому посту, по высочай-
шей ее величества воле он остался здесь
и был употребляем при Кабинете, а ми-
нувшего марта 10-го дня по высочайше-
му же имянному ее императорского ве-
личества указу определен в Главное поч-
товых дел правление на место советника.
Во все время бытности своей в ведомстве
Коллегии поручаемые ему дела и долж-
ности исправлял при благородном по-
ведении с отличною точностию, таковым
же прилежанием и похвальным усерди-
ем, во свидетельстве чего и дан ему по
прошению его настоящий аттестат:

Подписано по сему:

граф Иван Остерман
Александр Безбородко
Петр Бакунин».

Первым моим побуждением после
обнаружения этого документа было про-
верить данные о службе поэта в Пре-
ображенском полку, противоречащие
версии Ф. П. Львова. Канцелярия этой
воинской части, в отличие от Измайлов-
ского полка, сохранилась в Центральном
государственном военно-историческом
архиве в Москве. Ожидания подтверди-
лись — в списке сержантов Преображен-
ского полка, представленных к произ-
вождению, упомянут Николай Львов,
10 июля 1775 года он был определен в
армию.³⁶

В списке штаб-, обер- и унтер-офице-
ров Преображенского полка за 1775 год
находим следующие данные о сержанте
от бомбардир Николае Львова: начало
службы — январь 1759 года, служба в
гвардии с 1770 года, в чине сержанта
с 23 июля 1774 года, имеет 70 душ кре-
стьян.³⁷ В этом же документе указаны
сведения о преобразенцах Гавриле Дер-
жавине, Николае, Петре, Андрее и Ва-
сильи Капнистах, что позволяет отнести
их первое знакомство с Н. А. Львовым
к началу 1770-х годов.

Очень важной представляется дата
начала службы в гвардии (1770 год),
в связи с тем, что в 1950-х годах
Н. И. Никулиной в ходе работы над
диссертацией удалось найти черновик
начала автобиографической записки

Н. А. Львова, где писалось: «В действи-
тельной службе я с 1769 года».³⁸ Види-
мо, 1769 годом следует датировать
приезд в Петербург и хлопоты по вступ-
лению в действительную службу. Запис-
ка составлялась в начале 1800-х годов,
и потому подобная абберрация весьма
правдоподобна.

Кроме того, в Архиве внешней по-
литики России находится ряд материа-
лов, позволяющих документировать
службу Н. А. Львова в качестве курье-
ра. Из «Реестра находившихся при Кол-
легии иностранных дел курьерам» уз-
наем, что для такого рода поручений
определен по именному указу «с 29 мар-
та 1773 года» бомбардир-роты сержант
Николай Львов», а также то, что он
«живет в доме Михайлы Васильевича»
Бакунина.³⁹

В ведомостях денег, выдававшихся
курьерам Коллегии иностранных дел,
содержатся следующие записи:

«28 марта 1774 в Гамбург лейб-гвар-
дии сержанту Николаю Львову в
оба пути 300 «рублей»».⁴⁰

«10 ноября 1775 отправленному в Ко-
пенгаген курьером капитану Львову с
возвратом 200 «рублей»».⁴¹

«Видимо, декабрь» 1775 капитану
Львову 200 сверх оных выданных ему
200 червонных, по возвращении его вы-
дано еще за излишнюю поездку в Гам-
бург и Эттин».⁴²

После возвращения из последней
поездки Н. А. Львов встретился в сере-
дине января 1776 года с М. Н. Муравь-
евым, как нами указывалось выше.

Собственноручной росписью зафиксиро-
вано получение лишь одной депеши:
«1775-го года ноября 14 числа принял я,
нижеподписавшийся, из Канцелярии его
«сиятельства» графа Никиты Ивановича
(Панина, — К. Л.-Д.) одну пакегу для
доставления в Ейтин министру Мест-
махеру, а другой в Копенгаген чрезвы-
чайному посланнику Сакену, в чем и
расписался Николай Львов».⁴³

Окончание службы в качестве курье-
ра стало причиной следующего проше-
ния Н. А. Львова (сохранился авто-
граф):

«В Государственную Коллегию инос-
транных дел от капитана Николая Льво-
ва

Покорнейшее доношение

С 1773-го года находился я в Госу-
дарственной Иностранной Коллегии при
отправлении курьерской должности, ны-
не ж 12-го числа июля месяца, будучи

³⁸ Там же, ф. 37, оп. 11, д. 120, л. 101, об.

³⁹ АВПР, ф. ВКД, д. 84, л. 161, об.

⁴⁰ Там же, д. 5681, л. 26, об.; л. 39, об.

⁴¹ Там же, л. 28, об.

⁴² Там же, л. 37, об.

⁴³ Там же, д. 5829, л. 20.

³⁶ ЦГВИА, ф. 2583, ед. хр. 569, л. 91.

³⁷ Там же, ед. хр. 577, л. 25, об. — 26.

из гвардии Преображенского полку выпущен и пожалован от армии капитаном, службу мою при оной Коллегии продолжать более не смогу. А как прежде меня вышедшие из сей должности получали денежное награждение, то и я покорнейше прошу Государственную иностранных дел Коллегию за мою службу, которую я отправлял исправно, приказать оное и мне выдать. К сему доношению капитан Николай Львов руку приложил.

Июля 31 дня
1775 года.⁴⁴

К сожалению, документов, которые позволили бы восстановить круг обязанностей, возложенных на Н. А. Львова в конце 1770-х годов в Коллегии иностранных дел, обнаружить не удалось. Однако вряд ли можно сомневаться, что поездка Н. А. Львова за границу в Лондон, Мадрид и Париж в 1776—1777 годах была вызвана дипломатическим поручением. Найденные материалы не дают оснований не доверять свидетельству М. Ф. Соймонова, скорее, наоборот.

Что касается начала 1780-х годов, то в работах биографов Н. А. Львова установлено, что в апреле 1780 года поэт отправился в свите Екатерины II в Могилев, где 30 мая как автор проекта участвовал в торжественной церемонии закладки фундамента собора св. Иосифа, возведение которого должно было увековечить встречу русской царицы и австрийского императора. По всей видимости, вместе с двором молодой архитектор возвратился в столицу, откуда в декабре того же года был послан опять в Могилев, чтобы «удобство храма с местоположением согласить».⁴⁵

Дату возвращения Н. А. Львова из Могилева точно установить невозможно, так как следующее по времени появление его имени в документах Коллегии иностранных дел относится ко второй половине марта 1781 года, когда своей подписью Н. А. Львов подтвердил знакомство с «Определением Коллегии иностранных дел, от 17 марта 1781 года учиненным, о запрещении знакомства служащих той коллегии с чужестранными министрами и поверенными в делах».⁴⁶

23 апреля 1781 года, судя по копии указа⁴⁷ (а не 21-го, как проставлено в аттестате), состоялось назначение Н. А. Львова советником посольства в Дрездене, вскоре затем отмененное. Вместо этого поэт командирован в Италию, как о том свидетельствуют «Путевые запи-

ски», хранящиеся в рукописном отделе Пушкинского Дома, на их первом листе читаем: «В Ливурну в другой раз приехал 1781-го года, июля 7-го».⁴⁸ Итальянская поездка и ее отражение в дневнике — тема отдельного исследования, поэтому мы ограничимся перечислением городов, в которых побывал поэт: Пиза, Флоренция, Болонья, Венеция; на обратном пути Н. А. Львов приехал в Вену 29 июля 1781 года, где 3 августа познакомился с П. Метастазо.⁴⁹

В Архиве внешней политики России удалось найти документ, фиксирующий первую служебную командировку Н. А. Львова после его возвращения из-за границы. Это копия с копии распоряжения И. А. Остермана от 7 сентября 1781 года:

«Советника посольства Н. А. Львова по возвращении его из Италии ее императорское величество высочайше указать соизволило отправить в Могилев, где присутствие его нужно для исполнения плана им сочиненного церкви Святого Иосифа, на память известного знаменитого свидания заложной, и покуда он при сей комиссии останется, считать его на определенном ему месте советника посольства

подлинный подписан по сему
граф Иван Остерман
с копиею читал регистратор
Петр Алсуфьев

Сентября 7-го дня
1781 года».⁵⁰

Краткое служебное распоряжение убедительно свидетельствует, что в начале 1780-х годов Н. А. Львов, обремененный заботами по возведению собора св. Иосифа в Могилеве, лишь числился при Коллегии иностранных дел. Возможно, он выполнял и другие поручения, какие именно, пока установить не удалось.

10 марта 1782 года Н. А. Львов был определен в Главное почтовых дел правление,⁵¹ служба в котором открывает следующий этап биографии поэта и архитектора.

В ходе поисков нами установлено, сколь велико было жалование Н. А. Львова во время службы в Коллегии иностранных дел. В переводческой должности ему был назначен годовой оклад в 400 рублей, как явствует из ведомостей за 1778 год.⁵²

С 5 мая 1779 года в качестве секретаря майорского ранга и вплоть до окончания службы в Коллегии он получал 700 рублей в год.⁵³ Столь значительное увеличение оклада, как и вообще

⁴⁴ Там же, д. 5685, л. 246.

⁴⁵ Будылина М. В., Брайцева О. И., Харламова А. М. Указ. соч., с. 119.

⁴⁶ АВПР, ф. ВКД, оп. 2/6, д. 5002, л. 221.

⁴⁷ Там же, д. 5004, л. 237.

⁴⁸ ИРЛИ, Р 1, оп. 15, ед. хр. 166, л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 2, 14, 54, 62, 65, 79.

⁵⁰ АВПР, ф. ВКД, оп. 2/6, д. 268, л. 109.

⁵¹ Там же, д. 5506, л. 2; д. 1792, л. 5.

⁵² Там же, д. 2914, л. 49, об.

⁵³ Там же, л. 63.

быстрое продвижение по службе, следует, видимо, отнести на счет протекции П. В. Бакунина Меньшого.

Для сравнения укажем, сколько платили некоторым чиновникам Коллегии иностранных дел в 1779 году: управляющий по иностранным делам министр Н. И. Панин имел годовой оклад в 7000 рублей и 1200 рублей столовых; вице-канцлер И. А. Остерман — 6000 жалования и 600 столовых; братья Бакунины — по 3000 рублей; Д. И. Фонвизин и А. И. Морков — по 1200; секретарь десятого класса Григорий Брайко — 600 рублей в год.⁵⁴ Из «Реестра с жалованием за 1780 год» узнаем, что капитанского ранга секретарь Василий Рубанов получал 550 рублей.⁵⁵

Обнаруженные материалы позволяют представить ранний период биографии Н. А. Львова не как собрание отдельных фактов, а как цепь взаимосвязанных событий; однако и теперь остается много лакун, заполнить которые невозможно без дальнейших архивных разысканий. В свете новых данных необходимо также пересмотр сложившихся представлений о творческом пути поэта — в первую очередь это касается рукописного журнала «Труды четырех разумных обшников», составившегося Н. А. Львовым совместно с Николаем и Петром Ермолаевыми, а также с известным впоследствии литератором Н. П. Осиповым (1751—1799). Среди стихов и переводов, принадлежащих молодым людям, наибольший интерес представляет стихотворение Н. А. Львова, написанное, видимо, под арестом. В нем перечислены фамилии соучеников по военной школе (Сумароков, Харламов, Навакшенов, Ермолаев, Аплече-ев),⁵⁶ что, возможно, позволит со временем выяснить, где происходил выпуск рукописного журнала. Отметим сразу, что в канцелярии Преображенского полка лиц с подобными фамилиями обнаружить не удалось.⁵⁷

Хорошо известна лишь биография Н. П. Осипова. По данным «Русского биографического словаря» в 1770-х годах он служил в Измайловском полку. Связи друзей молодости не прерывались на протяжении всей жизни: в 1791 году Осипов выпустил «Подробный словарь для сельских и городских охотников и любителей ботанического и увеселительного садоводства», который открывало следующее посвящение:

«Его высокоородию милостивому государю Николаю Александровичу Львову Милостивый Государь!

Устойте принять благосклонно славу сию жертву моего к Вам почтения,

усердия и благодарности, коими я считаю себя Вам навсегда обязанным. Вы еще в юношеских забавах посеяли во мне нечувствительным образом склонность упражняться в переводах, что теперь служит для меня не только приятным препровождением времени, но некоторым образом составляет большую часть моего содержания и доходов...»⁵⁸

О Петре и Николае Ермолаевых ничего не известно. В первой части журнала «Санкт-Петербургский вестник» за 1778 год нами найдено указание, что в лейб-гвардии Измайловском полку указом от 7 января пожалованы «в армию из сержантов... Николай Ермолаев, Петр Ермолаев... в капитаны».⁵⁹ Учитывая скорость чиновничьего продвижения, можно с большой долей уверенности предположить, что это участники «Трудов четырех разумных обшников».

Все вышеуказанное позволяет предположить, что школа (очевидно, бомбардирская), неоднократно упоминаемая в стихах молодых людей, объединяла солдат разных гвардейских полков. Однако никаких материалов о подобном учебном заведении обнаружить в ЦГВИА не удалось.

В заключение статьи хотелось бы прокомментировать указание в канцелярии Преображенского полка о том, что у Н. А. Львова было 70 душ крестьян. В «Экономических примечаниях по Новоторжскому уезду» (именно здесь были его владения) мы находим сведения, что Н. А. Львову принадлежали пустоши Заходец (169 десятин 455 сажень); совместно с матерью и сестрами Марией и Елизаветой) и Пусторадово (137 десятин 1390 сажень); совместно с матерью).⁶⁰ По всей видимости, в полку поэтом было указано родовое сельцо Черенчицы, числившееся за его матерью Прасковьей Федоровной Львовой (18 дворов, 60 душ мужского пола, господский деревянный дом и т. д.),⁶¹ причем количество душ было преувеличено. В «Экономических примечаниях» отражены итоги межевания Тверской губернии, состоявшегося в 1775—1781 годах, поэтому приведенные данные относятся к интересующему нас отрезку биографии Н. А. Львова.⁶²

Кроме того, матери поэта принадлежали следующие земельные угодья в Новоторжском уезде: пожни Подборница (1 десятина 1020 сажень) и Лажница

⁵⁸ Подробный словарь... собрано... Николаем Осиповым. СПб., 1791, ч. I, с. 1.

⁵⁹ Санкт-Петербургский вестник, 1778, январь, с. 86.

⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 36/1712, л. 83, об., 92.

⁶¹ Там же, л. 93.

⁶² Милов Л. В. Исследования об экономических примечаниях. М., 1965, с. 310.

⁵⁴ Там же, л. 83—86.

⁵⁵ Там же, л. 107.

⁵⁶ Кокорев А. В. Указ. соч., с. 7.

⁵⁷ См.: ЦГВИА, ф. 2583, оп. 1, д. 554, 577, 578.

(3 десятины 496 сажений); а также в совместном владении с соседями: пожни Сытинуха и Плотинуха (вместе 4 десятины 1237 сажений), Венюха (4 десятины 1938 сажений), Смоличевка (6 десятин 20 сажений), Богданушка (2 десятины 1500 сажений), полпустошь Баклануха (13 десятин 1358 сажений).⁶³

Как мы видим, семья, в которой вырос Н. А. Львов, располагала более чем скромным достатком (не случайно столь

велико число родственников и знакомых, у которых жил поэт в 1770-е годы, — Ю. Ф. и М. Ф. Соймоновы, М. В. и П. В. Бакунины), что объясняет исключительное значение государственной службы для поэта. Как представляется, без детального знания именно этого аспекта биографии подробное описание жизни выдающегося литератора и архитектора XVIII века невозможно. поэтому настоящая задача, стоящая перед исследователями, — введение в научный оборот новых материалов, документирующих служебные поручения Н. А. Львова в 1780—1790-е годы.

⁶³ ЦГАДА, ф. 1355, оп. 1, ед. хр. 36/4712, л. 56, об.; 58, 93, 57, об.; 90, об.

Русская литература

№ 2

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1988

Журнал выходит с 1958 года

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Е. А. Яблоков. «Я — часть той силы...» (этическая проблематика романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»)	3
А. П. Овчаренко. О психологизме в творчестве Юрия Трифонова	32
З. И. Власова. Скоморохи и сказка	58
О. В. Творогов. Что же такое «Влесова книга»?	77
ИЗ НАСЛЕДИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	
Борис Зайцев. Жуковский (предисловие и примечания Ю. М. Прозорова)	103
ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ	
М. В. Разумовская. Дидро: Французские параллели, отзвуки в России	125
К. Ю. Лапко-Данилевский. Новые данные к биографии Н. А. Львова (1770-е годы)	135
А. В. Успенская. Место античности в творчестве А. А. Фета	142
Е. Г. Бушканец. Молодой Л. Н. Толстой и культурная жизнь Казани 1840-х годов	150
Ц. Г. Усеево. Польские соратники П. Г. Чернышевского в русской журналистике 50—60-х годов XIX века	155
М. Д. Эльзон. Существовала ли рукопись повести Н. С. Лескова «Амур в лапоточах»?	163

(См. на обороте)